

Что такое свобода? Возможно, моменты, когда на тебе нет кандалов, которые могут сковать любое твоё движение? Может, когда ты счастлив и спокойно живешь в самом тихом месте этого мира? Я долго размышлял на эту тему, но так и не пришел к выводу, зато точно знаю, что я свободен. Да, знаю только ту жизнь, которая у меня есть, но это лучше, чем иметь то, что имеют сейчас многие здесь. Пусть у меня и нет выбора, но я совершенно точно свободен. Я верю в это.

— Ты опять меня совсем не слушаешь? — отец вновь начинает что-то говорить, ругать меня за проступок, который я не помню, но мне нет до него дела, он это понимает. Резкий стук по столу, это привлекает мое внимание, я поворачиваю к нему голову, опираюсь на свою руку и смотрю в его зеленые глаза. Он зол, определенно зол на меня, но причину так и не говорит.

— Отец, я...

Не успел договорить, как меня перебили. Без стука, без малейшего шума, словно эти эльфы пробирались на носочках.

— Ваше Величество, как вы и просили, Ксанафия Нинглор уже здесь, — дверь открывается и в небольшой кабинет входит мой брат, а следом за ним смутно знакомая мне эльфийка.

Я сразу заметил их разницу в росте, брат выше ее на голову, а я буду почти на полторы, если не выше. Девушка с интересом осматривает комнату и ее взгляд останавливается на мне. У нее пышные волосы, которые едва отдают зеленым оттенком, он словно кричит, что она из лесного народа. Они собраны в косичку за спиной, в которые вплетена зеленая лента, наверное, их обереги. Глаза живые, такие же бледно-зеленые, как и часть волос. На одном из ушей висит серьга со знаком далекой звезды, я такую не знаю. От долгого молчания, она улыбнулась, но говорить не стала. Со стороны, она может быть похожа на одну из нас, на часть королевской семьи.

Я развернулся к отцу, королю темного народа, он стоит у моего стола, черты его лица смягчаются, когда он смотрит на наследника трона, а после сам выпрямляется и начинает говорить:

— Рад видеть тебя здесь, как и всех отшельников, которых принимает этот город. Мэлуи рассказал, что с тобой случилось и я искренне тебе соболезную. Из-за ранга твоих родителей при дворе и нашей с ними дружбы, наши ворота всегда для тебя открыты, и ты здесь желанный гость, — король поворачивается в мою сторону, совсем забыв, как несколько минут назад ругал меня, надевает очередную маску. — Мой сын, Бейро Ангрен, покажет тебе наш город и станет твоим спутником на все твоё пребывание здесь.

Удивительно, как просто он перекинул на меня проблему. Девушка улыбается, делает низкий поклон, в знак уважения, и вновь одаряет меня улыбкой. Такой сладкой и до ужаса противной. Любой в замке будет притворяться, чтобы достичь желаемого, но чего она хотела, придя сюда? Я снова оглядываю ее, замечаю белое платье с множеством вплетенных золотых ниток, которые красиво переливаются на солнце. Я видел похожее у королевы, но на ней оно смотрится лучше, чем на этой девушке. Отец встал ближе ко мне, словно вжимаясь в стол, чтобы напомнить мне о манерах. Я со вздохом встаю, прижимаю правую ладонь к груди и кланяюсь, проговаривая:

— Бейро Ангрен к вашим услугам.

— Что ж, уверен, вам еще удастся познакомиться ближе, но сейчас мне нужно покинуть вас, — он уже не смотрит на меня, только на наследника, — Мэлуи.

Один лишь его кивок означает повиновение, и брат скрывается за дверью этой комнаты, как и сам король. Он часто учит наследника основам и посвящает его в мелкие дела правления, которые мне чаще всего недоступны. Я делаю лишь грязную работу, которую продолжу выполнять, даже тогда, когда на троне будет сидеть мой младший брат. Это моя жизнь, мой долг. Так уж получилось, что я родился раньше, но вот беда, бастард. Нынешняя королева не является мне матерью, и сама открыто презирает меня, а я ее. Хотя при всем моем желании, я могу претендовать на трон, но не собираюсь. Знаю свое место.

— Здесь красиво, — она прервала меня из раздумий, но теперь сама озирается во комнате, и я вижу, как хочется подойти ей к окну. Оно покрыто витражом и солнце красиво падает на рисунок гор.

— Почему вы здесь? — она не поняла моего вопроса, брови нахмурились, будто пытается разобрать чужую речь. — Вы же из лесных? В таком случае, у таких как мы, вам делать нечего. Не найдете той красоты и удовольствия, как на родине.

— Ох, вы правы. Меня часто путают с ними, но я метис, всю жизнь жила при светлых.

Метисы... Теперь скрещенная кровь называется так? Что ж, от одного из родителей она забрала лучшее, но на вопрос так и не ответила.

— И все же, почему вы выбрали нас?

— Меня нашел ваш брат, — она замолкает, поворачивается ко мне и улыбается. — Принц Мэлуи нашел меня дома, среди убитых родителей. Он приезжал проверить товар и заключить новую сделку, — заметив мое смятение, она добавляет: — Наши семьи торгуют вместе, видимо, вам не сказали.

Знала бы она, что мне не говорят очень многое. Остается только гадать и слушать сплетни, чтобы вникнуть в жизнь во дворце. Теперь я понимаю кого она мне напоминает. Память на лица у меня плохая, но времени прошло не так много, всего несколько недель. Помню, как впервые увидел ее на фотографии, в том доме. Она стояла в центре, а по бокам родители, которые ее любят. Свобода или опека? По фотографиям сложно понять, что происходит внутри семьи, но она с улыбкой говорит о их гибели, может, рада?

— Куда вас водил мой брат? Хочу понять, что стоит показать, — я отбрасываю мысли прочь, все же, отец ругал не спроста. Я действительно совершил ошибку, убив только ее родителей, а не ее саму. В доме ее не было, как и самого задания о ее смерти. Но тогда почему он снова отчитывал меня?

— Мы вернулись только вчера, не сказать, что я видела хотя бы что-то, — из-за слез или времени? — Я бы хотела посмотреть сад, можно? Больше тянет к лесным корням...

Наверное, у всех метисов такое странное желание вернуться только на одну сторону своей сущности. Они как корабль, который плывет по течению и не понимает, в которую из сторон ему наклониться больше. Мне такого не понять, моя кровь — сплошная тьма. Родную мать я не видел, отец казнил ее после моего рождения, а меня оставил, видимо для грязной работы.

Мы выходим из кабинета, двери за нами закрываются, и я веду ее по уже знакомому мне маршруту. Я не часто бываю в садах, но замок знаю всю свою жизнь, так что это не трудно. По дороге мне хочется расспросить ее еще немного, но это будет казаться слишком странным, навязчивым. Отец навсегда привязал меня к ней, пока она тут, как хранителя. Только ее жизнь охранять не хочется, ведь чем быстрее ее не станет, тем быстрее освобожусь и я.

Сам замок состоит из нескольких этажей, он поистине огромен. Если не знать где находишься, можно заблудиться, а может, и потеряться навсегда.

Мы проходим мимо стражи, пусть ее тут не так много, но каждый почтительно опускает голову в моем присутствии, это говорит о статусе, но не уважении. Многие знают какими грязными делами я занимаюсь, но эти кивки мне удалось добиться через долгие разговоры с отцом. Сначала меня не волновало внимание третьих лиц в мою сторону, но после стал слушать что говорят слуги и стража. Мне это не понравилось, пришлось поступать по-другому, во благо себе, как я утверждал, но вот слухи так и не прошли. Каменные стены впитали их и теперь будто говорили сами.

На первом этаже мы прошли небольшой тренировочный пункт. Он был встроен на случай обучения наследников или других важных людей. Я никогда не видел, чтобы мой младший брат тут учился, а когда мы поднимали мечи в шутку, он всегда мне проигрывал. Его не учили сражаться, а учили идти по пути дипломатии и любви, в то время, как меня воспитывали кнутом и болью. Мы с ним разные и редко общаемся по собственной воли, хотя в детстве мне нравилось проводить с ним время. Потом он вырос, наслушался слухов и перестал обращать на меня внимания.

Шаги за моей спиной затихли, мне пришлось остановиться и развернуться. Ксанафия наблюдала, как тренируются другие эльфы. Шума почти не было, только слышны команды и пыхтение новобранцев. Они только учились и еще плохо владели оружием или рукопашным боем, как все мы когда-то. Не знаю, что ей так понравилось, но я решил немного подождать. Это время растянулось на бесконечность и, наконец, тренер Тингол, заметив меня, поднял руку в сжатом кулаке, как все новобранцы остановились и встали в линию. Я знал, что он ждал моей команды, а вот Ксанафия в немом вопросе обратилась ко мне. Наши привычки ей чужды, но она уже создает проблемы, просто интересуясь ими.

— Все в порядке, я просто провожал гостью в сад, видимо, это место ей нравится больше, — лишь краем глаза я заметил, как она возмущенно на меня смотрит. Пришлось подходить ближе.

— Ваше Высочество, не хотите ли показать, как нужно обращаться с мечом?

Тингол знал, что я люблю оружие и знал, как я люблю показывать превосходство, только сейчас не было на это времени. С другой стороны, от чего мне бежать? Солнце еще стоит в зените, только время года не позволяет ему так сильно печь, как летом. Осень обволакивает своей прохладой при любом солнце, но больше всего я жду зиму. Пока я раздумывал, тренер уже вытащил свой меч из ножен и протянул его мне. Ксанафия смотрела с интересом, будто оценивая меня. Да, я был худым, но умелым, зря она так смотрит. Пришлось взять в руки меч.

— Замечательно! — Тингол отошел к полю и крикнул своим разойтись, советуя смотреть внимательно. — Это будет замечательный бой, Ваше Высочество.

— В котором я снова превзойду учителя.

Мы усмехнулись друг другу. Он с ранних лет учил меня держать в руках меч, рассказывал истории о сражениях и поединках, прививая любовь к оружию с детства.

В его руках блестел тренировочный меч. Солнце, падая на метал, отбрасывало солнечных зайчиков. Он специально отдал мне свою оружие, наточенное и острое, в знак уважения и долгих лет дружбы. Тингол один из немногих, кто поистине меня уважает и, может, восхищается. Иногда это видно в его глазах и чем взрослее я становился, тем все чаще он

вставал на мою сторону.

Мы стояли напротив друг друга, я видел ребят, которые стояли по бокам и Ксанафию среди них. Она так выбивалась на их фоне, как по статусу, так и по простой одежде. В лучах солнца она была красива. Главное, что она сможет убедиться, что ее сомнения лишь пустая надуманная игра собственного разума. Заметив мое отвлечение, Тингол напал первым, но я успел отойти назад, не попав под удар. Учителем, как и эльфом, он был замечательным и всегда относился ко мне хорошо. За все эти годы я знаю его как родного, каждый выпад, обманный трюк или удар, успеваю предугадать до того, как он его сделает.

Когда металл соприкасался, я слышал отчетливые вздохи зрителей, собравшейся тут. Они не следили за дракой, им было все равно какие трюки мы выполняем в этом танце, но им было интересно. И мельком, под уворотами, когда я был очень близко, видел, как в их глазах пляшет огонь, они видят сценку, развлечение в их повседневной жизни. Тингол знал мои слабые места и с особым усердием бил по ним, исключая попадание по моим запястьям, чему я был благодарен. На мне была льняная кофта, которая плотно прилегала к моему телу, а сверху рубашка, чуть плотнее и свободнее. Она служила лишь накидкой, второй защитой для моих рук. Тренер был одет легче, словно не по погоде, на его теле только рубашка, которую ветер успешно продувал. Еще мы отличались цветами. В стенах замка мне, как части королевской семьи, положено носить белые и золотые цвета, а таким как Тингол, необходимо было одеваться скромнее, в темные цвета, чтобы ночью можно было их не замечать. Именно поэтому, увидев Ксанафию в кабинете, я подумал, что она так похожа на нас, на моего отца.

Эта игра начинала мне надоедать, и я перешел в нападение, все чаще заставляя тренера уходить в защиту и постепенно задыхаться, он был не молод, но все еще в расцвете сил. Он устал, а я сделал последний выпад, задев его руку, и сделав небольшую рану, из которой тут же потекла свежая кровь. Тингол лишь улыбнулся, но все еще не сдавался. Пользуясь раненой рукой, я выбил его оружие и протянул меч к его горлу, заставляя поднять голову и принять поражение. Раньше, он часто рассказывал, как участвовал в битвах или истреблял непригодные королю лица. Сейчас же, его все чаще отправляют на такие задания и по улыбке, я видел, как он соскучился по хорошему бою.

— Ваше Высочество, вы как всегда на высоте, как я и учил, — эльф поднял свои руки, в знак поражения и я опустил острый меч.

Он не может показывать при мне слабость, а я ведь знаю, как больно получить такую рану, но ничем не могу помочь, только если уйти побыстрее, чтобы дать ему передышку и возможность для эмоций.

— Спасибо, учитель, — он забрал у меня меч, а я, сложив руки вместе поклонился, отдавая ему уважение.

Тингол засмеялся и сделал тоже самое. Наш спектакль окончен. Я взглянул на него еще раз. Мы были похожи: бледная кожа, острые уши, такая же красная кровь. Хотя все же, отличий у нас было больше. Например, мои голубые глаза не шли в сравнение с его карими. Мой вытянутый, чуть заостренный нос так не похож на его аккуратный приподнятый. Он никогда не носил украшения, а я, как принц, носил серьги в одном ухе, а в пепельных коротких волосах, за ушами, едва заметные ветки, в которых все еще виднелись зеленые листья. Это служило мне напоминанием о статусе и заменяло корону.

— Ксанафия Нинглор, прошу за мной, я все еще не показал вам сад.

Девушка тут же оживилась, бледность с лица пропала, и она поспешила за мной. Возможно теперь, она пересмотрит свое мнение насчет подобных мест и в будущем, будет обходить его стороной. Она пережила мертвых родителей, но тут при виде нашего поединка побледнела, будто с ней не все в порядке, словно она впервые увидела кровь или схватку. Я уже хотел спросить ее, но услышал вопрос в мою сторону. Для этого она даже поравнялась со мной.

— Вы замечательно сражаетесь, но, — она на секунду запнулась, подбирая слова. — Разве он вам не поддавался?

Действительно, любому другому так и могло бы показаться, только я знаю Тингола всю свою жизнь. Он хороший эльф, но сам редко бывает на заданиях. Его опыт начинает стираться, в то время как я приобретаю новый в других сражениях.

— Нет, он честный и благородный, к тому же, является одним из генералов, так что не думаю, что он стал бы так поступать.

— Мне очень жаль, что вам пришлось его поранить, раньше я такого не видела.

— Видимо, вы слишком много времени сидите дома, не видите мира, а он не видит вас.

Она замолчала, кажется, даже надулась, но я не виноват, что девушка видит поединок впервые. Я невольно сравниваю ее с нааву. Редкий, красивый цветок, с прозрачными листьями и желтым основанием. Из него можно делать много разных смесей, как во вред, так и во благо, с помощью дозирования лепестков. К счастью, отцу удалось такие достать, и она сама их увидит в саду. К ним только прикоснись и лепестки начнут отпадать, один за другим, будто сама смерть вытягивает из него жизнь. Даже живое существо умирает не так красиво, как растение.

— Я хотела бы тоже научиться сражаться, возможно, даже знаю некоторые основы.

Ксанафия проговорила это спокойно и смотрела вперед, в то время как я успевал кидать на нее вопросительные взгляды.

— Девушки этому редко обучаются и мало кто берет их к себе на обучение. Если коротко, то очень сложно найти учителя.

— Я уже его нашла, — она не смотрит в мою сторону.

Мы подходим к небольшому туннелю, который соединяет несколько частей замка. Внутри горят факелы, но стража никогда здесь не стоит, в этом нет необходимости, ведь у нас безопасно.

— Если вы про Тингола, то я не думаю, что он станет...

— Нет, я про вас.

Мы прошли не так много, как она останавливается и смотрит на меня, ожидая моего решения. Мне тоже приходится остановиться, только вот с ответом я не тороплюсь. Еще никого не приходилось обучать, тем более девушку, которой до этого дела должно быть слишком далеко.

— Я не пойду с вами дальше, пока вы не согласитесь.

Упрямая эльфийка стоит на своем. Она мне уже перестала нравиться. Ее улыбка в темноте

кажется странной, словно ей нравится, как она поставила меня в не очень удобное положение. Возможно, просто игра света? Что за игру она задумала вести в этом пустом проходе?

— Скоро мне нужно будет пойти на задание, если хотите, можете отправиться со мной. Если все пройдет гладко, и вы справитесь, то я обещаю подумать, а пока это лишняя трата нашего с вами времени.

Есть шанс избавиться от нее, напугать, заставить сделать шаг назад.

— Вы обещаете?

— Что стану вас тренировать? Нет, — я увидел, как она вновь надула губы и уже открыла было рот, чтобы возразить. — Но я сказал, что подумаю, а теперь, пожалуйста, пойдете.

— Ваше Высочество, Бейро Ангрен, пообещайте мне, что после вашего задания я стану вашей ученицей.

Больше всего я ненавижу обещания. Одно дело сказать это, а другое пообещать лично. Эти обещания связывают на всю жизнь, а я хочу прожить еще очень много. Она невыносима и ставит меня в тупик. Я просто лгун, который выживает и радуется свободе в замке, которому нравится та деятельность, которую ему дают.

— Если вы не пойдете со мной, то потеряетесь.

Я начал двигаться к выходу из туннеля. Там уже появлялся солнечный свет, но шагов позади я так и не услышал, видимо, Ксанафия вела внутреннюю борьбу, в которой еще сама не поняла, что будет лучшим выбором. Отец мог бы отчитать меня или сделать что похуже, но я старался не думать об этом. Она же не ябеда, не станет рассказывать о том, что случилось.

Или станет?

Кажется, сердце пропустило удар.

Я не смотрел назад, это было бы слабостью, которую показать я не мог. Уже за поворотом, она все же нагнала меня, но молчала и не поднимала взгляд. Мы шли ровно, мое сердце успокоилось, и я сказал себе, что все позади.

Эта часть замка открывала вид на поля и часть гор, где некоторые эльфы трудятся. Можно увидеть пейзаж уже с третьего этажа, а на первом, только большие колонны, расписанные завитками золотой краской, которая местами переплеталась с зелеными и синими линиями. С какого-то угла, это место должно изображать рисунок, только сам уже не помню какой, а еще не помню куда встать, чтобы увидеть это творение. Я видел, как Ксанафия уже отпустила обиду и теперь смотрит по сторонам. Чем ближе мы подходили к саду, тем больше было растений на нашем пути, некоторые даже вплетались в колонны и будто проходили сквозь них.

Прекрасное место, мне оно всегда нравилось.

В самом саду было не так много места, здесь он был лишь небольшой частью, а на этой земле и почве редко что прорастает. Ксанафия тут же улыбнулась и выбежала на открытую территорию. Стража только посмотрела на меня, и поклонившись, пропустила. Эльфийка получала удовольствие здесь, она будто сливалась с растениями и растворялась в запахе листвы и цветов

— Тут так пусто, никто не приходит?

— Это королевский сад, тут редко бывают гости, — вижу, как она трогает каждое растение и улыбается. — Вам повезло.

— Почему?

Я молчу. Не хочу рассказывать, как ей повезло вырасти в семье с хорошим статусом, что теперь она может ходить тут, будто своя. Только своей ей не стать. Ксанафия бросает свой интерес ко мне и проходит дальше. Иногда, она присаживается на корточки, чтобы коснуться растения, подол ее платья касается травы, но пока остается чистым. Слуги хорошо выполняют свою работу, придерживая сад в чистоте.

Здесь росли высокие деревья, кусты, на которых можно было увидеть ягоды, а еще множество цветов. Чуть подальше была оранжерея, где выращивали самые придиричivéые из них, по крайней мере, пытались. Казалось прошло лишь немного, а эльфийка уже стоит напротив входа в оранжерею и поворачивается ко мне, словно спрашивая разрешения. Ее хорошо воспитали родители, которые теперь мертвы. Я лишь подхожу ближе и открываю перед ней дверь, чтобы она могла войти. Сейчас я замечаю ее босые ноги, осматриваю территорию и вижу туфли, почти у самого входа. Я и не заметил, когда она успела разуться. Наверное, приятно ходить по свежей траве босиком.

Ксанафия все так же опускается к грядкам и трогает каждый цветок. Дойдя до середины, она присаживается прямо на землю, пачкая свое платье, но не касаясь цветка. Первое ее точно не заботит. Голова поворачивается ко мне, ее сereжка двигается, пока та просто смотрит. Мне приходится подойти ближе, и чтобы не казаться выше ее, а ей не выворачивать себе шею, опускаюсь на колени сам, также пачкаю свою одежду. Больше я на нее не смотрю. Эльфийка остановилась около наавы, того цветка, с которым я ее сравнил. Теперь вблизи, они действительно похожи.

— Почему не касаетесь? — теперь я вижу на ее лице замешательство.

— Про такие цветки ходит много слухов и на каждом языке оно называется по-разному. Как вы его называете среди своих?

Действительно, каждый народ говорит на своем языке, а эта девушка отлично разговаривает на нашем. Видимо, родители научили ее многому.

— На нашем он называется наава.

— А мы зовем его соаку, — Ксанафия улыбается и смотрит на цветок, их тут несколько. — Правда, и у нас они почти не росли, скорее выживали. Как вам удалось так много вырастить?

— Темные тайны.

Я лишь пожимаю плечами, а она звонко смеется, будто только что услышала шутку. Буду считать это хорошим признаком. Рядом с наавой растут и другие цветы, но она смотрит только на него. Отец собирал по миру семена, в основном у лесного народа, чтобы в саду любовались каждым растением, а не чем-то одним. Каждый цветок достоин внимания, будто это чужая жизнь.

Со стороны входа слышались чужие шаги и их было много, видимо отец и его охрана. Может ли быть с ним брат?

Дверь открывается, и мы оба поворачиваем голову ко входу. Это король и в сад он зашел один. На его лице сияет улыбка, очередная маска перед посторонними.

— Простите, что видимо, прерываю вас от, — король рассматривает наше положение и не может подобрать нужных слов. — Просто нам с Бейро нужно кое-что обсудить. О, не вставайте, мы сами выйдем и оставим тебя ненадолго одну.

Отец замолкает и жестом дает понять идти за ним, что я и делаю. Ноги немного испачканы в земле и сколько бы я не пытался их отряхнуть — не получается. Зато, они не в крови.

Мы отходим от оранжереи, стража держится на расстоянии. Остановившись у небольшого пруда, где плавали две цветные рыбы, король начинает говорить, теперь уже без улыбки на его лице:

— Планы немного меняются, — он видит, как я хочу заговорить, но останавливает меня жестом руки. — Нужно сегодня сходить к лесному народу, передать заказ, пусть быстрее сделают и отправят.

Я должен был пойти на это задание через пару дней. Лесной народ, вернее их отряд, живет не так далеко, к ночи можно будет добраться и сделать заказ на хорошие лечебные зелья. Наши запасы истощаются и отец решает исправить эту ситуацию. Он заботится о народе, о тех, кто болен.

— Ксанафия хочет учиться боевому мастерству и желает, чтобы учителем стал я. Позволь ей пойти со мной, пусть она посмотрит, как тяжело может быть девушке в битве.

— Бейро, — он будто не слышал меня, смотрел на рыб и после перевел взгляд на мои голубые глаза. — Ты понял свою ошибку?

Я не знал, что сказать ему. Задачи на устранение девушки не было, но такой вариант его не устроит, придется врать.

— Моя вина, нужно устранить?

— Нет, оставь, уже все началось, — я снова его не понял, он смотрел на меня, как на дурака и, честно, я начинал злиться. — Сходил к светлым, они рассказали мне мое будущее. Сделай как я тебе говорю, передай заказ и обучай эту эльфийку. Может она станет твоей напарницей, а после одной из темных? Кто знает, как сложится ее жизнь.

Пусть из его слов это было простой просьбой, но в глазах я видел приказ, который нужно выполнить. Мне не нравилось его решение, но исправить ничего не могу.

— Хорошо, я сделаю как ты говоришь, но и ее с собой возьму.

Отец кивает, соглашается со мной и уже когда я собираюсь уйти, окликает меня, заставляя повернуться. Пока он не увидит моего лица — говорить не начнет.

— Будь осторожен, я не знаю на что она способна.

На этих словах мы разошлись.